

Критика критики Гегелем восточной философии Жапаров Д.

*Жапаров Дурболон / Durbolon Zhararov - кандидат философских наук,
президент общественной академии ученых Кыргызской Республики, профессор,
Кыргызский государственный университет культуры и искусства им. Б. Бейшеналиевой, г. Бишкек, Кыргызская
Республика*

Аннотация: в статье подвергаются анализу философские взгляды Гегеля, касающиеся природы и значимости восточной философии в истории культуры человечества. Делается попытка обосновать наличие бытия восточной философии как часть мировой философской культуры. Указываются причины отвержения восточной философии Гегелем и его заблуждений. В развернутом виде проводится сопоставительный анализ соотношения западной и восточной философии.

Ключевые слова: критика, философские взгляды, запад, восток, религия, наука, восприятие мира, ценность, культура.

УДК: 390:156.4

Божественность гегелевской философии и непререкаемость его авторитета как мыслителя на все времена в наступающем веке должны еще больше потускнеть, а его мастерски сложенная система из различных философских «лоскутков» Востока и Запада потеряет былую общезначимость.

Гегелевская спекулятивная диалектика [1], в основе которой лежит учение Гераклита, изживет свой век, превратившись в свод упражнений тренировки человеческого ума. Ибо грядет новая эпоха философского восприятия мира, поскольку в рамках старых философских представлений, да еще мертвых, стандартных, классических, тесно становится научным новациям, открытиям и уму непостижимым гипотезам ученых современности [2].

О величии Гегеля написано много и премного. Но были и есть философы, которые несправедливо низводят его как философа до посредственности. Все это делалось во многих случаях с целью возвеличивания самого себя посредством покушения на его незабываемый авторитет философа, или когда «старик Гегель» не хотел уступить пальму первенства новоявленным мыслителям.

В этом смысле небезынтересен взгляд современника Гегеля А. Шопенгауэра, которого К. Поппер считал «самым компетентным судьей в делах философии, какого только можно было найти в то время». Шопенгауэр писал, что Гегель, «назначенный властями сверху в качестве дипломированного Великого философа, был глупый, скучный, противный, безграмотный шарлатан, который достиг вершин наглости в наскребании и преподнесении безумнейшей мистифицирующей чепухи. Эта чепуха была шумно объявлена бессмертной мудростью корыстными последователями и с готовностью принята всеми дураками, которые, таким образом, соединились в столь совершенный хор восхищения, который вряд ли когда-либо звучал ранее. Широчайшее поле духовного влияния, предоставленное Гегелю властью предрешающими, позволило ему добиться успеха в деле интеллектуального разложения целого поколения» [3].

Не разделяя мнений критиков Гегеля как справа, так и слева целиком, лишь отметим, что вердикт, вынесенный им на восточную философию, не представляет собой научной ценности. Гегель даже отказывается восточной философии в праве считаться частью Истории философии. Его величество подобно свое отношение к восточной философии объясняет тем, что, по его суждению, выражение «восточная философия» употребляется преимущественно для обозначения того периода, когда это великое всеобщее восточное воззрение соприкоснулось с Западом, со страной отграничения, меры, где преобладает дух субъективности [4]. Далее Гегель конкретизирует свое понимание сущности восточного типа философствования, подчеркивая, что «то, что мы называем восточной философией, представляет собою вообще в гораздо большей мере религиозный способ представления и религиозное мировоззрение восточных народов, которое очень легко можно принять за философию» [5]. Правда, Гегель здесь правильно замечает то различие между религиями народов Запада и Востока, которое для него выступает в качестве основного аргумента для доказательства слитности восточной философии с религией и, наоборот, как он полагает, отграниченность римской, греческой и христианской религии от философии. Однако Гегель умело, даже мастерски обходит указание на основные причины того, что религия народов Востока нераздельна с их философией, а на Западе, наоборот, они отграничены друг от друга. Гегель тождественность восточной философии с религией объясняет тем, что «...на Востоке момент субъективности еще не выступил, религиозное представление не индивидуализировано, а носит преимущественно характер общих представлений, которые поэтому кажутся философскими представлениями и мыслями» [6].

Если даже имеются индивидуальные образы на Востоке, считает Гегель, как например, Брами, Вишну, Шива, то им всем недостает свободы, их «индивидуальность не четко, а лишь поверхностно очерчена, и это настолько верно, что там, где мы думаем, что имеем дело с человеческими образами, они все же снова расплываются и безмерно разрастаются» [7].

Запад и по сей день не хочет признать происхождение философии с Востока. Пренебрежительное отношение и субъективное мнение Гегеля о восточной философии на Западе господствует и поныне. Даже

гегелевские аргументы не в пользу восточной философии без серьезных изменений переходят из книги в книгу западных исследователей.

Главная ошибка Гегеля и тех современных западных философов, которые не признают даже наличия восточной философии в историческом аспекте, заключается в непонимании того факта, что греки создали своеобразную неповторимую философию – рациональную, противоположную ранее существовавшей на Востоке эмпирически-рациональной форме философского восприятия мира.

Для того чтобы доказать ненаучность восточной философии, Гегель выделяет три аспекта в этом вопросе. Первый – это проблема соотношения религии и философии.

Гегель предметом религии называет «не земное, мирское, а бесконечное» [8]. Он отмечает, что сходство между ними выражается в том, что религия и философия по своему содержанию идентичны, их содержанием служат всеобщие предметы.

Однако дальше он старается провести между религией и философией демаркационную линию, которая выявляет различие каждой из них в отдельности. Основная цель немецкого философа заключается в обосновании философии как науки и исключении религии из истории философии для того, чтобы затем восточную философию объявить начальной стадией философского знания.

Гегель выделяет две стадии в развитии философии как науки. В данной его трактовке истории философии восточный тип философствования выступает всего лишь в качестве «строительного» материала, первоначальной стадии в становлении философии как знания. Тогда как западная философия, по Гегелю, представляет собой завершающую стадию и научный уровень философского познания мира. Гегель считает, что «философия имеется лишь там, где мысль, как таковая, делается абсолютной основой и корнем всего остального, а в изложениях, подобных индусским, этого нет». Далее Гегель уточняет свою мысль, утверждая, что «абсолютное в философии должно существовать как мысль» [9, 10], которая ничем не отягощена, она есть всеобщая мысль, которая «непременно должна быть чем-то не выводимым, первоначальным». Следовательно, по Гегелю, философия не должна мыслить о предмете, который лежит в основании в качестве **субтрата**, еще до того, как она его мыслит» [11].

Религия отличается, как полагает Гегель, от философии тем, что в ней «философское учение заключено в твердо установленный догмат», «мысль не конструируется из себя, а ограничивается абстрактным представлением». Религия как форма мысли, в конечном счете, остается в области представления, она содержит в себе нечто более или менее чувственное [12].

Второй аспект касается социальных корней возникновения философии. Если выразиться словами самого Гегеля, то «всякое философствование требует наличия известной ступени духовной культуры народа» [13]. Далее для подтверждения своей мысли он делает ссылку на Аристотеля, который писал, что «лишь после того, как озаботились об удовлетворении жизненных нужд, начали философствовать». Как видно, немецкий философ, отталкиваясь от Аристотеля, обосновывает историческое возникновение духовной потребности в философствовании, рассматривая философию «как мышление и постижение духа времени» априорно. Далее он подчеркивает, что философия появляется в ту эпоху, «когда дух народа уже освободился как от состояния безразличного прозябания первобытной естественной жизни» и тогда, когда «народ идет навстречу своей гибели», когда разлагаются и разрушаются государственные устои. Именно в такое время «дух ищет прибежища в области мысли, чтобы в противовес действительному миру создать себе царство мысли» [14].

Философия на Востоке, которая функционировала вне науки, возникла тогда, когда человеческое познание исчерпывало себя каждый раз при погружении в сущность конечных предметов, явлений, ограничиваясь лишь приближенными представлениями о них. Однако любому народу изначально свойственно чувство осознания ограниченности собственных познавательных возможностей. Именно при такой ситуации каждый народ из чистого познавательного любопытства попытается заглянуть за пределы конечного и оказывается помимо своей воли заложником чистого мышления. На этом этапе познания этночеловек входит в сферу бесконечного, а конечное для него становится ложно очевидным, теряя интерес к себе. В действительности человеческий разум бьется из последних сил в предрассудках собственных представлений о конечном, т. е. реальном мире, субъективная модель которого становится более значимой в качестве катарсиса эмпирических восприятий мира. Философия есть результат стремления этночеловека к соборности, установлению единства мира из чувства боязни изоляции, духовного одиночества, а не продукт уровня развития общества. Это еще делается для того, чтобы реально существующее многообразие «собрать» в единое целое для обеспечения удобства его познания с помощью категорий «общее» и «всеобщее». Существует примитивная схема относительно единства мира, построенная на принципах взаимозависимости и взаимодополняемости, которая заменила божественную силу, связавшая все многообразие в единое начало. Действительно, мир многообразен, но его многообразие подобно ризоме – растению из семейства ландыша, имеющего множество корней, не связанных единым началом (центром). Многообразие тождественно только самому себе. Единство уничтожает многообразие, которое обеспечивает индивидуальность каждого отдельного явления.

Общее и всеобщее находятся вне опыта. Они есть суть формы априорных знаний, направленных на методичное преодоление абсолютности индивидуальной самостоятельности отдельного и на фиксацию универсальных связей между раздельными предметами. Это единство есть объективное начало, но существует оно как способ существования многообразия.

Третий аспект включает в себя проблему свободы мышления как условие появления философии. Гегель полагает, что деспотический политический строй на Востоке не давал возможности появления свободы

мышления, поэтому там «лишь один свободен, свободен лишь деспот». Далее Гегель уточняет свою мысль, что «...на Востоке один тоже не может быть свободен, ибо его свобода предполагает, что другие тоже противостоят ему как свободные, то там имеет место лишь вождение, произвол, формальная свобода» [15]. Он подчеркивает, что расцвет действительной свободы имел место только в Греции, поэтому здесь начинается философия.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что Гегель противопоставил философию религии на основе исторических фактов, засвидетельствующих кровавые конфликты между верой и знанием. Правда, он повторил ошибки своих предшественников, распространив эту взаимную несовместимость двух духовных начал - религии и философии - и на природу восточной философии.

Нельзя забывать о том, что «...наука не есть нечто, что возможно в любой культуре. Существуют идеи, которые структурно делают невозможным возникновение и развитие определенных понятий, и, безусловно, идеи-табу на целостную науку во всей ее сложности, уж во всяком случае, на эту науку, которая нам знакома сегодня» [16]. И далее эти же авторы Джованни Реале и Дарио Антисери правильно подчеркивают, что «философия (греческая - Ж. Д.), функционирующая в виде рациональных категорий, сделала возможным рождение науки и даже, в определенном смысле, породила ее» [17]. Поэтому вражда греческой философии, а вслед за ней западной, по отношению к религии заложена в ней априорно, ведь структура греческой культуры сама по себе определила ее природу, она сделала такой саму философию Запада.

Особенность восточной философии выражается в том, что она познает мир в нерасчлененном, недискретном состоянии, в непрерывном движении, что, безусловно, порождает всеобщие взгляды, представления и суждения. Такой философии очень тесно в рамках одной науки, наглухо запертой в стенах разума, поэтому она выражает себя во всех формах культуры одновременно. Ибо философия, прежде всего, по меткому выражению Н. Бердяева, есть свобода духа народа. Мы бы добавили еще - что именно восточная философия есть философия духа и свободной мысли. На Востоке философия и религия возникли одновременно, существуя нераздельно и подпитывая друг друга. Поэтому попытка определить первичность одной из них: религия предшествует философии, или наоборот, никогда не увенчается успехом. Если западная философия как наука лишает сама себя национальной ментальности, мировоззренческой и идеологической нагрузки относительно конкретного народа, то философию, как таковую, она делает ничейной, космополитичной, превращая ее в голую схоластику.

Ведь Гегель лучше многих понимал, что философские представления греков больше определялись тем обстоятельством, что греческая наука зародилась в недрах философии, особенно те «немногие наблюдения и теории до-сократовского периода, которые мы сейчас отнесли бы к физике, астрономии и т. п., но не в коем случае не назвали бы философскими» [18]. В связи с этим можно предположить, что, благодаря особым обстоятельствам, западная философия продолжает философские (метафизические) традиции древних греков даже в канун XXI века, развивая философию как строгую науку лишь при обстоятельствах, что она уже давно не может претендовать на роль науки наук. Даже, несмотря на это, усиливается влияние западной философии на восточную, которая постепенно уходит от своих историко-психологических корней, подлаживаясь под западную. Тем самым восточная философия «сознательно» рационализируется, забывая о том, что «разум (mind) не способен установить или утверждать что бы то ни было за пределами самого себя» [19], нет никакого доказательства способности человеческого разума (mind) вытаскивать себя, подобно известному барону, за косицу из болота, иначе говоря, устанавливать нечто трансцендентальное [20].

Восточная философия – синкретическая философия, продолжением которой, как мы полагаем, является **до-сократовская** греческая философия. Правда, хотя, по мнению Платона, первым европейским философом был Парменид, который якобы отличал философию как чистое знание от псевдофилософии, как сказки, мифы, «мнения». На самом деле Парменид впервые попытался разъять восточную философию от зародившейся западной, приведя ее в соответствие с оформившимся к тому времени типом философского мышления греков. Гегель, признавая генетическую связь между греческой духовной жизнью и Азией, подчеркивает как достоинство самих греков то, что «они столь радикально вытравивли печать этого чуждого происхождения, столь преобразовали, переработали, сделали другим полученное ими извне». Отсюда он делает заключение, что «то, что и они, и мы ценим, признаем, любим в этом полученном ими извне, принадлежит по существу лишь им». Гегель, развивая эту свою мысль дальше, впадает в крайность, когда он открыто сводит на нет то, что было позаимствовано греками у восточных народов на основании того, что «духовное развитие греков пользуется заимствованным, чужим, лишь как материалом, толчком», но они, греки, якобы могли бы обойтись без этого чуждого.

Всем нам хорошо известны нелестные отзывы со стороны даже выдающихся умов Запада о древнегреческой философии, например, Ф. Бэкона, Ф. Ницше и других. Но присутствие этого факта мы хотим использовать лишь в качестве аргумента для того, чтобы доказать ошибочность самого подхода Гегеля к рассмотрению вопроса о соотношении восточной и западной философии [21].

Ведь сама постановка вопроса о том, где раньше или позже возникла философия как наука – на Востоке или на Западе - скорее вопрос политический, чем познавательный. Здесь явно проглядывается узкий интерес по мотивам национального престижа. Правомерно было бы говорить лучше о взаимовлиянии Востока и Запада относительно развития философии как формы знания вообще. Если философия на самом деле есть наука. Ведь и этот вопрос среди философов все еще остается спорным.

Русский философ Грот Н. Я. писал, что «философия, как синтез, как отражение субъективного, как результат творчества и есть искусство, а не наука» [22]. Гегель, как отмечал Н. Бердяев, в крайней мере выразил понимание философии как высшей стадии по сравнению с религией.

Философия и наука взаимосвязаны, но не идентичны. Если мы вслед за Гегелем подчиним философию науке, то получим тот факт, что философия перестает существовать как особый тип восприятия мира. Речь может идти лишь о двух формах существования философского познания, скорее всего, даже о двух равноправных познавательных направлениях в философии – эмоционально-рациональном и рациональном.

Именно на Востоке возникла до греческой философии особая форма философского познания мира – эмоционально-интуитивная философия. Если греческая философия возникла и развивалась в форме знания на эмпирических материалах восточной философии, то последняя представляла собой, прежде всего, мировоззрение, поэтому восточная философия носила характер всеобщих представлений. А не потому, что она выражала себя через религию, как подтверждает Гегель. Дело в том, что, как правильно замечал К. Юнг, «на Востоке нет конфликта между религией и наукой, потому что наука здесь не основывается на восторженной страсти к фактам, а религия не опирается на одну только веру. Востоку свойственны религиозное познание и познавательная религия» [23, 24].

Главная ошибка Гегеля в том, что он, сознательно изменяя истине, силой гибкости ума пытается доказать лишь условную связь греческой философии с восточной, скрывая за этим свою корыстную цель – любой ценой не уступить верховенства варварам – восточным народам. В противном случае как он мог заявить о том, что восточная культура не оставила в духовной жизни греков существенного следа, она первична лишь по времени, на том лишь основании, что греки чужому негреческому придали новую форму, вложив в него собственную субстанциональность.

По этому поводу можно сказать, что любое чужое или инациональное приживается в другой среде лишь благодаря закону этнического подобию, согласно которому каждый народ при восприятии чужого старается идентифицировать с самим собой, вложить свою субстанциональность. Значит, то, что греки перенимали у восточных народов и сделали его своим достоянием, вовсе не является их национальной чертой.

Если быть верным истине, то западная философия до сих пор остается заложником восточной культуры, в том числе философии. На Западе практичность разума развела восточную и западную философию между собой, каждая из которых ещё сильнее, чем раньше, борется за сохранение своей определенности. Чем настойчивее и успешнее пыталась западная философия доказать свои превосходство и противоположность Востоку, тем сильнее, вопреки желанию Гегеля, она ощущала историческое влияние восточной философии. Даже историцизм перешел в западную философию с Востока в модифицированном виде.

По мнению К. Поппера, историцизм стал болезнью человечества. Он считает, что представители историцизма строго придерживаются мнения, согласно которому «подлинно научный или философский подход к политике, а также углубленное понимание общественной жизни вообще должны быть основаны на созерцании человеческой истории и ее интерпретации. Если обычный человек принимает обстоятельства своей жизни и значение личного опыта в обыденной жизни как нечто само собой разумеющееся, то социальный философ должен якобы изучать жизнь с некой высшей точки зрения. Он рассматривает индивид как пешку, как не слишком важный инструмент общего поступательного движения человечества. И обнаруживает, что по-настоящему значительными действующими лицами на сцене истории являются либо Великие нации и их Великие вожди, либо Великие классы, либо Великие идеи» [25]. Он справедливо подчеркивает далее, что эти идеи стали настолько неотъемлемой частью нашей духовной атмосферы, что обычно их воспринимают как нечто само собой разумеющееся и редко подвергают сомнению [26].

Историцизм Гегеля проявился даже в том, что он историю философии рассматривает как третейский судья для вынесения вердикта над восточной философией, используя ее в качестве основного критерия общечеловеческого признания философии народов Востока. Разве история философии не есть история борьбы философских взглядов, амбиций, взлетов и падений мысли определенной кучки людей, которые собственные понимание, взгляды выдают как продукт истории? История философии Запада в том виде, в каком она существует до сих пор, искажена, сознательно противопоставляет себя восточной философии, унижая ее, возвеличивая себя, мистифицирует свою роль и значимость.

Истинная история философии Запада должна признать тот факт, что все выдающиеся умы этого региона испытывали на себе постоянное влияние восточной цивилизации, в том числе и философии.

Разве учение о диалектике Гераклита, да и самого Гегеля, который является преемником идей первого, не было заимствовано из индийской философии, в частности, путем перенятия содержания мировоззрения ригведы и других вед, брахманизма? Согласно этим представлениям, боги, люди, животные, растения, элементы, времена года, качества, части тела, духовные способности наделяются жизнью, оставаясь при этом самостоятельными субстанциями, которые зависимы друг от друга, взаимно переходят друг в друга и могут превращаться одна в другую. А учение о всеобщем единстве, которое со временем становится одной из философских основ западной философии, тоже пришло к ней из философских трактатов упанишад (тайное учение, с 800 до Р. Х.). Даже идея о том, что мы заложники неких законов истории (т. е. идея историцизма) тоже была заимствована отсюда, она была заложена в теории о переселении душ, где еще говорилось о страстном желании души вырваться из кругооборота повторяющихся рождений - сансары. В связи с этим можно отметить учение Платона о парадоксах «бегства души от тела» в диалоге «Федон», которое является прямым преемником идей упанишад, хотя он ссылается на Еврипида и другие греческие источники.

Одним словом, западная философия при всех своих отличиях есть продолжение и развитие «друговости другого», т. е. элементов восточного типа философствования через своеобразие миропонимания Запада.

Исследователь М. А. Киссель пишет, что «...великие страны Азии – Китай и Индия – оказываются у Гегеля за порогом истории. Это само по себе говорит о несомненной узости гегелевского критерия историчности. Эту его ограниченность принято называть «европоцентризмом», но с научной точки зрения важно установить глубинные основания этой атеррации, не довольствуясь одной негативной оценкой. Конечно, одной из причин было недостаточное проникновение в «дух» этих двух культур, ведь научное изучение их тогда еще только начиналось. Свообразие индийского и китайского искусства и философии, их специфическая утонченная духовность в наше время широко признаны и оценены по достоинству» [27]. Далее Киссель подчеркивает, что главное все-таки было, по-видимому, в том, что эти страны не укладывались в ту схему развития исторического процесса, которую Гегель «вычитал» в истории Европы [28]. Можно согласиться с мнением Кисселя, когда он делает заключение, что «дело здесь не столько в «европоцентризме», сколько в абсолютизации социально-политических критериев при изучении культуры» [29]. Об этом же свидетельствует следующая выдержка из работы самого Гегеля, который пишет: «В Китае рабством и свободой, как перед императором все равны, т. е. все одинаково бесправны. Так как отсутствует честь и ни у кого нет особых прав по сравнению с другими, то преобладает сознание униженности, легко переходящее в сознание низости... Если, таким образом, с одной стороны, науки, по-видимому, в высшей степени уважаются и/или усиленно занимаются, то, с другой стороны, в них не обнаруживается именно той свободы, которая является основой глубокого внутреннего содержания, и в них отсутствует подлинный научный интерес, благодаря которому науки становятся теоретическим занятием. Здесь нет свободного, идеального царства духа, и то, что здесь можно назвать научным, имеет эмпирический характер и по существу дела утилизируется государством для удовлетворения государственных и иных потребностей» [30].

Дух народа не измеряется степенью политической свободы. Это иллюзорное мнение. Он сугубо индивидуален у каждого народа. Тем более Восток и Запад, действительно, разделяет фундаментальное различие. «Восток основывается на психической реальности, то есть на душе (psyche), как главном и единственном в своем роде условии существования» [31]. Иначе говоря, К. Юнг очень тонко и правильно подчеркивает, что «интроверсия, если можно так выразиться, является стилем Востока, привычной и коллективной установкой, так же как экстраверсия является «стилем» Запада. Интроверсия считается здесь в чем-то ненормальной, нездоровой или же предосудительной» [32]. По мнению Юнга, на Востоке, наоборот, лелеемая Западом **экстраверсия** «обесценивается как иллюзорная жилаемость, как существование в состоянии **сансары (samsara)**, поворотного звена в цепи **нидан (nidana)**, которая в прямом порядке достигает апогея во всей бездне страданий» [33].

Литература

1. Виндельбанд В. «Диалектический метод немецкой философии есть теперь для большинства людей только странное и нелепое фокусничество». - В кн.: Виндельбанд В. Дух и история. Избранное. - М. – 1995. - С. 56.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. - М., 1991. - С. 57.
3. Поннер К. Открытое общество и его враги, в двух томах, т. 2. - М., 1992. - С. 42.
4. Гегель Г. В. Ф. Восточная философия. – В кн.: Лекции по истории философии. - Гегель Г. В. Ф., в 3-х книгах, Наука. – М., 1994, книга первая. - С. 160.
5. Гегель Г. В. Ф. Восточная философия. – В кн.: Лекции по истории философии. - Гегель Г. В. Ф., в 3-х книгах, Наука. – М., 1994, книга первая. - С. 161.
6. Гегель Г. В. Ф. Восточная философия. – В кн.: Лекции по истории философии, Гегель Г. В. Ф., в 3-х книгах, Наука. – М., 1994. - Книга первая. - С. 160.
7. Гегель Г. В. Ф. Восточная философия. – В кн.: Лекции по истории философии. - Гегель Г. В. Ф., в 3-х книгах, Наука. – М., 1994. - Книга первая. - С. 161.
8. Гегель Г. В. Ф. Восточная философия. – В кн.: Лекции по истории философии. - Гегель Г. В. Ф., в 3-х книгах, Наука. - М., 1994. - Книга первая. - С. 117.
9. Гегель Г. В. Ф. «Отношение философии к другим областям». – В кн.: Лекции по истории философии. - Гегель Г. В. Ф., в 3-х книгах. - Наука. - М., 1932. - С. 138-139.
10. Гегель Г. В. Ф. «Отношение философии к другим областям». – В кн.: Лекции по истории философии. - Гегель Г. В. Ф., в 3-х книгах. - Наука. - М., 1932. - С. 139.
11. Юнг К. Г. Различие между восточным и западным мышлением. – В кн.: Сознание и бессознательное. - СПб. - Москва, 1997. - С. 507-508.
12. Гегель Г. В. Ф. «Отношение философии к другим областям». – В кн.: Лекции по истории философии. - Гегель Г. В. Ф., в 3-х книгах. - Наука. - М., 1932. - С. 108.
13. Гегель Г. В. Ф. «Отношение философии к другим областям». – В кн.: Лекции по истории философии. - Гегель Г. В. Ф., в 3-х книгах. - Наука. - М., 1932. - С. 138.
14. Гегель Г. В. Ф. «Начало философии в Греции». – В кн.: Лекции по истории философии. - Гегель Г. В. Ф., в 3-х книгах. - М., 1932. - С. 147.
15. Джованни Реале, Дарио Антисери Западная философия от истоков до наших дней. - Санкт-Петербург, 1994, С. 3.

16. *Киссель М. А.* Гегель и современный мир. - Ленинград, 1982. - С. 129-130.
17. *Киссель М. А.* Гегель и современный мир. - Ленинград, 1982. - С. 131.
18. *Грот Н. Я.* Философия, как ветвь искусства. – В кн.: Философия и ее общие задачи. - СПб. 1904. - С. 31.
19. *Юнг К. Г.* Различие между восточным и западным мышлением. – В кн.: Сознание и бессознательное. - СПб. - Москва, 1997. - С. 508.
20. *Юнг К. Г.* Различие между восточным и западным мышлением. – В кн.: Сознание и бессознательное. - СПб. - Москва, 1997. - С. 501.
21. *Поппер К.* Открытое общество и его враги, в двух томах, т. 2, М., 1992. - С. 38.
22. *Поппер К.* Открытое общество и его враги, в двух томах, т. 2, М., 1992. - С. 40.
23. *Киссель М. А.* Гегель и современный мир. - Ленинград, 1982. - С. 130.
24. *Гегель Г. В. Ф.* «Отношение философии к другим областям». – В кн.: Лекции по истории философии. - Гегель Г. В. Ф., в 3-х книгах. - Наука. - М., 1932. - С. 145.
25. *Юнг К. Г.* Различие между восточным и западным мышлением. – В кн.: Сознание и бессознательное. - СПб. - Москва, 1997. - С. 501.
26. *Юнг К. Г.* Различие между восточным и западным мышлением. – В кн.: Сознание и бессознательное. - СПб. - Москва, 1997. - С. 508-509.